

ХАНСТВО АЛТАН-ГАЗАР

Правящая династия:

Аслан, хан Алтан-Газара

Сарнай, жена хана Аслана

Шамай (Кара), дочь хана Аслана, законная хатун Алтан-Газара

Жанбулат, младший брат хана Аслана

Туган, сын Жанбулата

Города:

Ордон, столица

Тосгон, деревня неподалеку от гробниц

Лийр, деревня, где жила Мими

ХАНСТВО КУМЛАР

Правящая династия:

Гирей, хан Кумлара

Улуг, старший сын хана Гирея

Менгу, младший сын хана Гирея

Суюн, дочь хана Гирея

Ташдэмир, кузен хана Гирея

София, жена Ташдэмира, младшая сестра царицы Ора-Мариса

Дэмир, сын Ташдэмира и Софии, двоюродный племянник хана Гирея

Города:

Кале, старая столица

Китапхан, культурный центр, новая столица

Элс, город в пустыне

ЦАРСТВО ОРА-МАРИС

Правящая династия:

Елена, царица Ора-Мариса
Ираклий, сын царицы Елены
Суюн, жена Ираклия, дочь хана Гирея из Кумлара
Алексиос, сын Ираклия и Суюн

Города:

Маркиания, столица
Гликерия, город недалеко от границы с Кумларом

ИМПЕРИЯ БАИФАН

Правящая династия:

Цзиньлун, император Баифана
Вэйдун, сын Цзиньлуна
Мэй, дочь Цзиньлуна

Города:

Ву-Гонг, столица
Тау-аша (Мофа), легендарный волшебный город

Грандмастеры Мофа:

Мо Сан
Цяо Ян

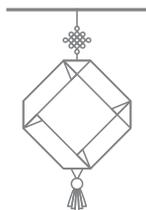
ГОРОД-ГОСУДАРСТВО ВАХА

Правящая династия:

Альтаир, князь Ваха
Эльман, младший брат князя Альтаира

ГРОТНИЦЫ

ЖРЕЦЫ ОБЫЧНО ПРИХОДЯТ раз в неделю. Судя по зарубкам, которые я выцарапываю ржавым наконечником копья на неровной поверхности скалы, сегодня они снова меня навещают. Если я не сбилась со счета, конечно. Здесь это проще простого: кроме бесконечных пещерных гrotтов, сталактитов и сталагмитов, тут ничего больше нет — ни единой бреши, ни единой пробоины, через которую можно наблюдать за внешним миром. Сквозь небольшие трещины высоко над головой пробиваются лучи света, и лишь это помогает отсчитывать дни. Ясное дело, что способ неточный, но, по крайней мере, я хоть немного представляю, сколько тут пробыла.

А пробыла я тут уже больше года.

За это время я исследовала едва ли не всю сеть пещерных тоннелей. Я пыталась отыскать какой-нибудь лаз, чтобы выгащить свое костлявое от вечного недоедания тело на свободу, но тщетно.

Многие ходы приводили меня к запечатанным гробницам, в которых мог оказаться выход наружу, но двери не открывались без специальных приспособлений. Спасения не было. А если и было, то мне не повезло его найти.

Очутившись здесь впервые, я была уверена, что это просто ошибка.

Как же так, я — дочь Великого хана, наследница трона, не последний человек в ханстве! Как меня могут похоронить заживо среди ужасных гробниц?

— Не знаю, что вы там придумали, но с рук это вам не сойдет! — угрожала я жрецам каждый раз, когда они приходили. — Когда меня найдут, всех вас с позором казнят!

Жрецы ничего не отвечали. Они оставляли мне еду и кое-какие вещи, вроде куска мыла и тряпок, которые условно назывались одеждой, а после делали подношения пещерным духам и уходили. Я смотрела, как они закрывают гигантские каменные двери, обитые металлом, и ждала, что вот-вот сюда ворвется орава вооруженных стражников из дворца, чтобы отвезти меня домой.

Прошло много времени, прежде чем я поняла, что никто за мной не придет.

Сначала я долго лила слезы, утопая в боли, обиде и жалости к себе.

Это несправедливо, нечестно, кто-то должен вернуть меня во дворец, — думала я.

Потом слезы иссякли, и меня всё сильнее начала окутывать злоба и лютая ненависть. Я перестала угрожать жрецам, взывать к их совести или напоминать о своем высоком положении. Это было бесполезно — они не разговаривали со мной, будто я была предметом интерьера.

Мысли о великой несправедливости сменились мыслями о побеге. Спасателей я уже не ждала — очевидно, никто и не стремился вызволять меня из пещер. Лишь один человек мог мне помочь, и этим человеком была я сама.

— Не жди, выбирайся отсюда, — сказала я себе однажды.

И твердо настроилась сбежать, полагаясь лишь на свои силы.

Поскольку двери открывались только с приходом жрецов, шансов у меня было немного, но я всё равно пыталась выбраться на свободу и каждый раз получала по шее. Зато так я узнала, что жрецы приходят не одни — снаружи остаются караулить два вооруженных стражника. Они каждый раз прибегали жрецам на выручку, избивали меня до потери сознания и забрасывали подальше в пещеры.

Ссадины и синяки постепенно заживали, а озлобленность и ненависть возрастали всё сильнее. Но ненавидела я не жрецов и даже не этих стражников. Они просто исполняли приказ. Во всех моих страданиях был виноват Жанбулат, мой родной дядя.

Думаю, он с самого детства завидовал моему отцу, который родился наследником трона. Отец был добрым и мудрым человеком, его правление стало для Алтан-Газара лучшим временем за всю историю нашего ханства: он не развязал ни одной войны и поддерживал мир с соседними государствами, что привело к взаимному культурному обмену и выгодной торговле. В Алтан-Газаре появились невиданные доселе вещи и удивительные люди. Всё было прекрасно, все были счастливы. Все, кроме Жанбулата. Одни духи ведают, чем именно он был недоволен. Вероятно — всем. Но особенно тем, что родился младшим.

Судьба младших куда скучнее судьбы старших, и Жанбулат не мог с этим смириться. Он всеми способами пытался заполучить заветный трон. Нередко он заводил с моим отцом странные разговоры о том, что станет с Алтан-Газаром в случае скоропостижной смерти правителя.

— Я не собираюсь скоропостижно умирать, — холодно отвечал ему отец.

— Ты обязан продумать любую мелочь, — не унимался дядя. — Сейчас-то всё хорошо, но замысел духов никому не известен. Если тебя не станет, кто будет править ханством? Неужели твоя девчонка?

— Мою девчонку зовут Шамáй. И, по замыслу духов, именно она унаследует трон после меня.

Дядя не стеснялся обсуждать это на людях, поэтому я прекрасно знала, как он ко мне относится. По его мнению, я не годилась в Великие ханы. Он требовал от отца издать указ о наследовании трона, по которому титул хана перешел бы к нему, а затем к его сыну Тугáну. Однако отец не внимал его неубедительным доводам и намеревался передать трон мне.

Надо заметить, родители не сразу смирились с тем, что я стану наследницей. Изначально мне готовилась совершенно иная участь. Они договорились с правящей семьей соседнего ханства Кумлáра, что в будущем я выйду замуж за одного из их сыновей. Родители были молоды и полны сил и надеялись произвести на свет сына, но годы шли, а духи так и не подарили им других детей. Я была уже достаточно взрослой, когда они поняли, что мне предназначена судьба правительницы. До сих пор не было ни одной женщины-хана, и родители долго не могли этого принять.

Длительная задержка сказалась на моей подготовке. Меня слишком поздно стали обучать важным для правителя дисциплинам: истории, политике, военному делу, боевым искусствам. Прежде моя голова была забита одними нарядами и живописью, поэтому сменить интересы оказалось непросто, но я очень старалась. К любому делу я всегда подходила с большой ответственностью. Это радовало отца и одновременно злило дядю. Он постоянно ворчал и жаловался, но этим его сопротивление и ограничилось. По крайней мере, так мы считали.

Выяснилось, что дядя не просто сварливый пустозвон, а коварный и хитрый узурпатор. Пока все сосредоточились

на моем обучении, Жанбулат подготовил заговор, чтобы свергнуть моего отца, обставив всё как несчастный случай. Одним ужасным вечером после чаепития отца нашли мертвым в спальне. Все решили, что он умер от сердечной болезни. Даже я поначалу так считала, но теперь-то уже не сомневаюсь, что в его пиалу подмешали яд.

Вместе с отцом заговорщики отправили в мир духов и мою маму. Пронзенная мечом, взятым со стены, она лежала на ковре подле смертного ложа отца, а рядом нашлась предсмертная записка, в которой говорилось, что жизнь без супруга ей не мила. Выглядело так, будто она покончила с собой. Я поверила в это, даже не допуская мысли, что могло случиться что-то иное.

Мне сразу показали их трупы. Эльчин, советник отца, в тот же вечер выдернул меня из кровати и отвел в их спальню. Эта жуткая картина прочно отпечаталась в моей памяти и до сих пор преследует в кошмарах. Самый страшный, самый болезненный, самый безысходный момент в моей жизни. Я потеряла всех, кого любила. Мой идеальный мир рухнул, словно песочный замок. Всё стало бессмысленно.

Но я еще не знала, что это далеко не конец.

Эльчин заботливо проводил меня обратно в спальню. Не помню, как мы шли, помню только, что всю дорогу я сотрясалась от рыданий. Обитатели дворца видели, в каком я ужасном состоянии, — как и планировал мой дядя.

Вернувшись в комнату, я попросила Эльчина ненадолго остаться. В нем я видела друга, старшего брата, члена семьи и нуждалась в его поддержке. Он ответил, что и не собирался бросать меня в одиночестве, и голос его при этом был таким мягким и утешительным, что я ощутила себя в безопасности.

Напрасно.

Не успела я опомниться, как он вытащил меня на балкон и толкнул к перилам. Я намертво вцепилась в одну из поддерживающих крышу деревянных колонн, чтобы

не вылететь наружу. Моя комната была на третьем этаже, а под балконом находилась изогнутая черепичная крыша, скатившись с которой, я бы рухнула на каменные скульптуры в саду. Учитывая, что первый этаж дворца с его многочисленными залами был очень высоким, падение могло стать смертельным. Я висела вниз головой, отпихивая ногами Эльчина, и осознавала ужасную правду: во дворце назрел заговор, моих родителей убили и вот-вот убьют меня. Я даже поняла, почему сперва мне дали поглядеть на их трупы: чтобы все считали, будто я не выдержала горя и покончила с собой, как мать, — дескать, ничего удивительного, ведь у нас общая кровь.

Эльчин попытался сбросить меня, но я лягнула его в живот и забралась обратно. Однако это мало мне помогло, потому что в следующий миг он напал на меня с кинжалом. Я старалась вспомнить приемы с тренировок, но быстро проиграла — безоружная, загнанная в угол, я ничего не могла сделать.

Прижав лезвие к моему горлу, он опять потащил меня к перилам.

— Тебе не нужно этого делать, — прохрипела я, борясь за свою жизнь если не кулаками, то разговорами.

Я не понимала его предательства. Ясно, что главный заговорщик здесь дядя и остальные лишь исполняют его приказы, но почему Эльчин его слушается, зачем это делает?

— Иначе он убьет меня, — бросил Эльчин.

— Он никто. У него нет права здесь распоряжаться. Отпусти меня, и мы с ним разберемся.

— Ты ничего не понимаешь.

— Эльчин, — взмолилась я со слезами на глазах, — мы всегда были к тебе добры. Отец уважал тебя. За что ты убил моих родителей?!

— Нет, их я не убивал, но должен убить тебя.

— Ты ничего не должен Жанбулату! Теперь я Великий хан! Пощади меня, и мы от него избавимся!

И Эльчин меня пощадил. Поручение убить меня явно не приносило ему удовольствия, и он в конце концов отказался от мысли сбросить меня с балкона. Я было обрадовалась, но его пощада оказалась сомнительной. Чтобы не привлекать внимания, он сковал меня по рукам и ногам и вывез из города в Северные пещеры, где нашли пристанище усопшие правители и аристократы Алтан-Газара. Это было умно: тут никого не хоронят уже лет двадцать, ведь подходящие гроты закончились, а значит, кроме жрецов, которые заботятся о пещерных духах, обо мне никто не узнает.

— Мы можем всё исправить и наказать Жанбулата! — кричала я, пока Эльчин вез меня в деревянной клетке для приговоренных к смертной казни. — Еще не поздно повернуть назад, Эльчин!

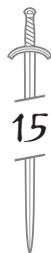
— Если тебя увидят живой, то убьют нас обоих, — отвечал он, а потом только повторил, что я чего-то там не понимаю.

Но я всё понимала. Совет двенадцати князей поддержал моего дядю. Я никому не нужна, и никто не желает видеть меня на троне. Они предпочли алчного Жанбулата, а не избранного духами хана. И если поначалу я надеялась, что во дворце остались верные мне люди, то после долгих месяцев, проведенных среди гробниц, уже не сомневалась, что от меня отвернулись все.

Полный дворец предателей. Целый год, сидя в этих пещерах, я представляла, как их всех убью.

Наверное, только жажда мести помогла мне здесь выжить. Я ничего так не хотела, как выбраться на свободу, занять законный трон и казнить всех заговорщиков, а потому раз за разом пыталась сбежать. Чего я не перепробовала, чтобы прорваться через двери: шла напролом и с отвлекающими маневрами, хитрила и обещала золотые горы, — но лишь получала новые порции побоев от стражников.

Вскоре мне надоело быть чучелом для битья, и я стала приводить себя в форму. До боли в мышцах держала стойку,

бегала по ходам и каменным лестницам, подтягивалась на уступах, приседала — словом, тренировала тело. Конечно, я занималась куда меньше, чем с учителем Тўя, но и условия жизни тут были совершенно иные.

Про боевые искусства я тоже не забыла. На алтаре для подношений духам я подобрала тонкий бамбуковый прутик и отработывала приемы, размахивая им, словно мечом. Это шло мне на пользу, хотя иногда возникали сомнения насчет того, как сражаться, когда из оружия под рукой только ржавый наконечник копья.

— Сначала придумай, как их перебить, — заметила Юёр. — Иначе ты не сможешь отсюда сбежать.

Моей собеседницей поначалу была я сама, а после — Юёр, низенькая старушка в сером платье и с распущенными седыми волосами, концы которых подметали землю.

Юёр сказала, что она мой внутренний голос, которому мозг придал видимый образ. Видимый одной мне, разумеется. Похоже, я так долго была одна, что потеряла рассудок. Зато мудрая старушка, рожденная в тумане моего одиночества, помогала решать насущные вопросы и уберегала от страшных глупостей. Например, однажды она не позволила мне вспороть собственное горло всё тем же наконечником копья.

— Надо придумать, как избавиться от жрецов, — вернула меня к разговору Юёр.

— Убийство жрецов — большой грех, — возразила я ей.

— Вряд ли этих жрецов можно считать добросовестными служителями духов. Они держат в плену законного Великого хана. Думаю, что духи желают освободить тебя.

— Даже если так, как мне справиться с пятью людьми?

— Ты ведь прошла обучение.

— Я не прошла и половины того, что должен знать и уметь воин. Мое обучение началось слишком поздно.

— Лучше поздно, чем никогда, — подбодрила меня Юёр. — Разобраться с хлюпиками-жрецами будет проще простого.

— С хлюпиками-жрецами я, может, и справлюсь, но как же стражи?

— Вставай, глупая девчонка! — воскликнула Юёр, и я впервые увидела ее такой злой. — Кто тут Великий хан, я, по-твоему? Если думаешь, что кто-то явится в эти пещеры и спасет твою задницу, то сильно ошибаешься. Для них ты уже год как мертва. Жанбулат правит ханством, разрушая наследие твоего отца, и довольно хихикает, думая, что ему всё сошло с рук. Ты не можешь этого так оставить! Отец уж точно не стал бы гордиться такой наследницей.

— Да, ты права, нельзя сдаваться. Пусть меня лучше убьют, зато я погибну в бою!

— Вот то-то же, — проворчала старуха. — Хотя, конечно, лучше тебе не умирать, а иначе и бежать незачем.

— Это просто выражение такое, — отмахнулась я. — Надо придумать план.

— У тебя уже были на этот счет кое-какие идеи.

— Огненное масло, факелы и камни? Почему бы и впрямь не попробовать.

Так я составила новый план побега и несколько недель готовилась к его воплощению.

Бежать я собиралась сегодня, потому и боялась перепутать дни. Еще раз пересчитав зарубки и тщательно припомнив, как отмечала последние, я решила, что ошибки быть не должно, и отправилась в свое укрытие.

Оно располагалось на уступе под самым сводом пещеры. Забираться туда было непросто — я подтягивалась на камнях, карабкаясь, точно паук, и всё чаще проклинала жрецов из-за того, что они приносят так мало еды. За день я успела подняться сюда несколько раз, чтобы сложить необходимые предметы, и жутко вымоталась, чего не случилось бы, если бы я ела вдоволь. Когда я подтянулась на последнем камне и перекатилась на ровную поверхность, то облегченно выдохнула, а потом проверила, что принесла: зажженная свеча, четыре небольших

факела и сбитые со сводов пещер сталактиты. Всё на месте, остается только ждать.

Итак, в чём же именно заключался мой план? Прежде всего, в смертельных ловушках. Они не были грандиозными и хитроумными, но из подручных материалов ничего более впечатляющего я сделать и не могла.

Первая ловушка была у алтаря, да простят меня духи пещер. Жрецы не жалели огненного масла для освещения коридоров, поэтому я пару недель сливала его в отдельную чашу, а теперь щедро залила им площадку перед алтарем, чтобы сбросить туда горящие факелы.

Если повезет, то загвоздка со жрецами после этого исчезнет.

Если нет — у меня готова ловушка из камней.

Все камни, что нашлись на этом уступе, я уложила с краю, чтобы было удобно сбрасывать. Еще один валун я собиралась столкнуть на деревянную подпорку, которая поддерживала свод. Многие пещерные ходы были рукотворными. При строительстве гробниц рабочие долбили скалу, расширяя пространство, и укрепляли стены и своды деревянными брусками. От времени дерево подгнило, но на всякий случай я повредила столбы наконечником копья, чтобы они наверняка сломались.

Я разрушу эти пещеры вместе с гробницами. Прошу, духи предков, не проклинаяте меня за это.

Пока я ждала, сидя на корточках, у меня затекли ноги, но это того стоило — жрецы наконец почтили меня своим визитом. Тяжелые двустворчатые двери со скрипом открылись, и вслед за волной солнечного света вошли три фигуры в длинных коричневых халатах и плащах с капюшонами. С высоты я не видела их лиц, но знала, что это те же жрецы, что и всегда. Мне незачем было выходить им навстречу (вот еще!), а они никогда меня не проверяли, потому что им было плевать, что со мной происходит. Они оставляли мешок с едой и вещами — этим их обязанности и ограничивались. Наверное, они

считали, что еды должно хватать на неделю, но я съедала всё за несколько ужинов. Фрукты и овощи, которые жрецы клали на алтарь в качестве подношения духам, я потом тоже съедала.

А ведь я законная правительница Алтан-Газара!

Оставив мешок на плоском камне, жрецы направились к алтарю, с которым возились обычно не меньше часа. Как только они собрались перед статуей большой ящерицы, я пошла в атаку. Взяв зажженную свечу, я подожгла три факела и по очереди сбросила их вниз, целясь в разные места, чтобы огонь сразу охватил всю площадку.

Всё произошло быстрее, чем я ожидала. Масло вспыхнуло в мгновение ока, пламя пожрало алтарь, а после и фигуры ничего не успевших понять жрецов. На всякий случай последний факел я запустила в одного из них, и его хлопковый халат загорелся не хуже масла.

Сгорая заживо, жрецы верещали. Поначалу они, конечно, пытались сбить огонь, срывая горящую одежду, но затушить волосы и бороды не могли. Я не испытывала ни жалости, ни вины, предвкушая свободу. Хорошо, что я находилась наверху, — охваченные пламенем жрецы разбежались по всему святилищу, и я могла попасть под раздачу.

— Двое из пяти уже готовы, — поддержала меня Юёр. — Смотри-ка, стражники пожаловали.

Стражники с обнаженными мечами ворвались в пещеру, и оставшийся в живых жрец с объятой пламенем головой бросился прямо на них. Они закололи его, даже не моргнув глазом.

Пока они отвлеклись на огненное представление, я усердно толкала ногами валун, который должен был сломать деревянную подпорку. Это оказалось очень трудно, поэтому я уперлась спиной в стену. Наконец камень сдвинулся с места и покатился к краю, набирая скорость. Когда он рухнул на подпорку, старое дерево с треском надломилось и своды

задрожали. Я быстро переползла на другой конец уступа, чтобы не получить камнем по голове. Здесь рушиться было нечему, но там, где рабочие расширяли пещеру, камни посыпались дождем.

Стражники бросились в разные стороны и, к моему несчастью, уцелели, отделавшись лишь царапинами. Я уже собралась забросать их камнями, как вдруг заметила, что между дверными створками образовался завал. Понадобится много времени, чтобы его разгрести, а значит, путь на свободу открыт.

Неужели так просто?..

— Просто?! — рявкнула Юёр. — Разве весь этот год тебе было просто? Уходи!

Старуха права. Мне никогда не было просто. Надо бежать, пока есть такая возможность. В драке я вряд ли выживу, а сбежать смогу.

Спрыгнув с уступа на груды камней, я поползла к выходу.

— Это девчонка! — закричал стражник.

— Держи ее! — закричал второй.

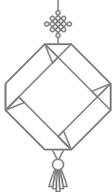
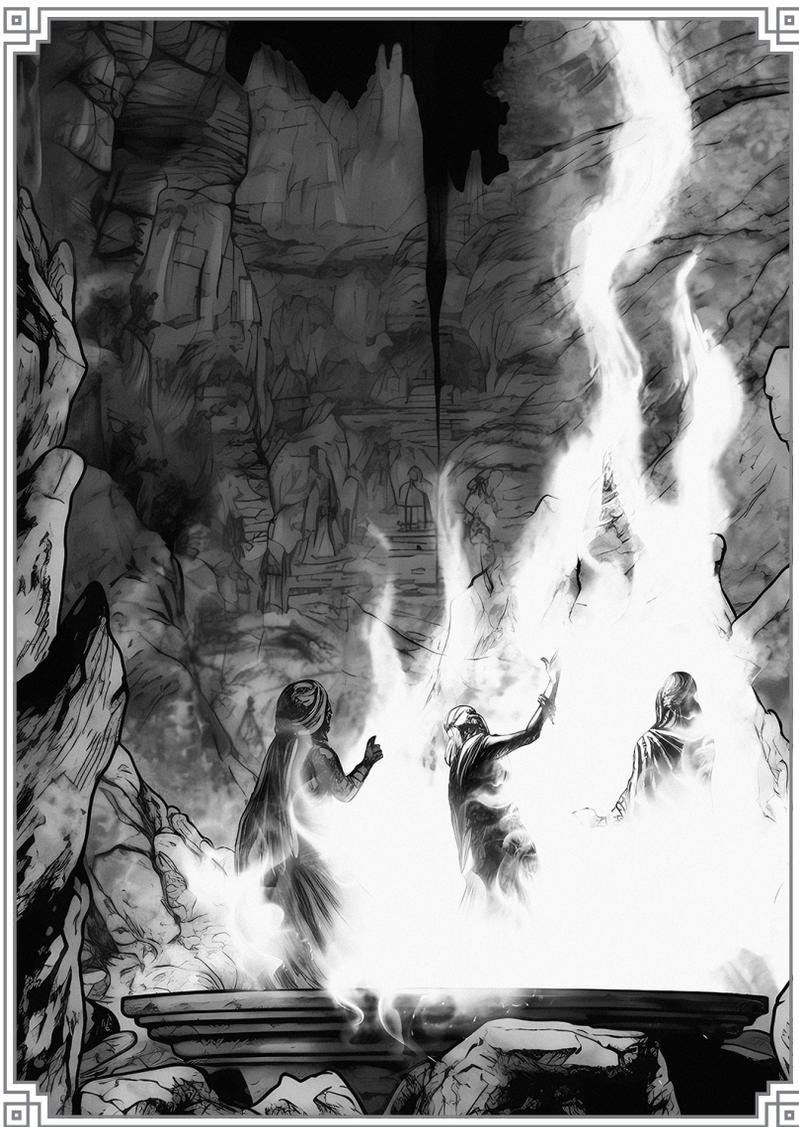
— Я — Великий хан! — бросила я в ответ.

В следующий миг мою руку чуть выше локтя что-то оцарапало. От боли перед глазами вспыхнули искры, но я не остановилась и выпрыгнула — а точнее, вывалилась — наружу.

Яркий свет мгновенно меня ослепил. Привыкнув к нему, я смогла разглядеть бело-зеленые горные вершины, замершие на горизонте подобно гигантским волнам. Я уже видела их, когда меня сюда привезли и когда запинывали при побегах. Сейчас я впервые смотрела на горы, будучи свободной.

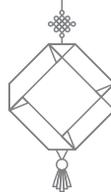
— Ты еще не свободна, — напомнила Юёр. — Если сейчас же не уйдешь, они затолкают тебя обратно.

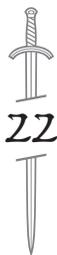
Но я не могла сдвинуться с места. От свежего воздуха и захватывающего вида у меня закружилась голова — казалось, если я сделаю шаг, то шлепнусь в траву. А может, виной тому

Сгорая заживо, жрецы верещали. Поначалу они, конечно, пытались сбить огонь, срывая горящую одежду, но потушить волосы и бороды не могли.

Я не испытывала ни жалости, ни вины, предвкушая свободу.

было жжение в руке. Наверное, стражники запустили в меня метательным ножом, которые очень популярны в нашей части света.

Вот гады. Раньше они не использовали против меня оружие.

— Да уходи же ты, — в панике подгоняла Юёр, едва не подпрыгивая.

Вход в гробницы располагался невысоко, поэтому здесь не было снега. Вниз вела лестница, выбитая прямо в скале. Она спиралью вилась по склонам, и мне подумалось, что спуститься по ней будет непросто. Ко всему прочему, тут не наблюдалось никаких укрытий, а значит, стражникам не составит труда закидать меня метательными ножами или стрелами.

Надо искать другой путь.

Неподалеку находился крутой утес, у подножия которого плескались темно-синие воды залива. В голове сразу появился план. Если я спрыгну в воду, то мгновенно окажусь внизу.

— Они идут, — сообщила Юёр.

Я оглянулась. Из щели между дверей выползли стражники. По их лицам я поняла, что они скорее убьют меня, чем позволят сбежать.

Пожелай мне не разбиться, — мысленно обратилась я к Юёр.

— Главное, оттолкнись ногами, — посоветовала она.

Я подобралась к краю утеса. Падать страшно, но точно не смертельно. Настраиваться на прыжок не было времени, поэтому я просто сиганула вниз.

Хоть бы не расшибить голову!

Я и пикнуть не успела, как холодная вода вышибла из меня дух. Раненую руку вновь пронзила жгучая боль. Не обращая на это внимания и не выныривая на поверхность, я поплыла вперед. Позади что-то врезалось в воду, и я поняла, что это летят стрелы. Что и требовалось доказать: как далеко я ушла бы по лестнице, прежде чем меня наспиговали бы стрелами?

Плыви, плыви, плыви.

Я повторяла это слово как мантру, будто оно волшебным образом могло придать сил.

Эльчин, лучше бы ты убил меня сразу, потому что теперь я убью тебя. И остальных предателей тоже. Вы еще не знаете, с кем связались. Этот день станет черным для вас всех.

Берег был уже близко, ноги нащупали острые камни, и теперь я брела, разгребая воду руками.

Интересно, где Юёр? Увижу ли я ее еще когда-нибудь? Вымышленная старуха стала для меня правой рукой. Она всегда давала дельные советы и настраивала на нужный лад.

Я вылезла из воды и упала на песок. Чуть отдышавшись, я решила осмотреть рану. Под разодранной тканью появилась неглубокая царапина, из которой медленно сочилась кровь. Ерунда. Однажды стражники переломали мне пару ребер, вот где было больно.

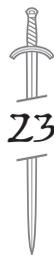
Я перекатилась на спину и подставила лицо солнечным лучам. Песок оказался таким теплым и мягким, таким простым и свободным, что мне не хотелось с него вставать. Песчинки мгновенно облепили мокрую одежду, и я стала похожа на вылепленную из песка скульптуру. Зато впервые за долгое время мне стало хорошо.

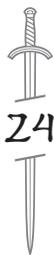
Я свободна. Жива и свободна. Осознать случившееся удалось с трудом.

— Рано радуешься, — скрипуче оборвала Юёр. — Будешь прохлаждаться, они тебя догонят, так что поднимай задницу и уноси ноги.

— Юёр, — протянула я и растянула губы в улыбке. Старуха стояла рядом, уперев руки в бока. — Я думала, что больше тебя не увижу.

— Куда я от тебя денусь, девчонка. Я надолго застряла рядом с тобой.

Я тяжело поднялась. Ноги дрожали, мышцы ныли, но Юёр права — надо идти. Охранники наверняка уже спускаются, чтобы поймать меня и добить.

Мы с Юёр двинулись к лесу. Зеленый, благоухающий, он шелестел листвой и наполнял воздух свежими ароматами. Я и забыла, сколько запахов существует в природе и насколько вокруг бывает красиво.

— Чего не скажешь о тебе, — подметила Юёр. — Тебе бы помыться да облачиться в новые одежды, а то с таким видом только детишек распугивать.

— Я целый год провела в пещерах. Имею право быть страшной.

— Здесь рядом находится деревня Тосгón, вы проезжали мимо, когда тебя сюда везли. Может, там получится раздобыть еду и одежду и привести себя в порядок. Только нужно действовать быстро, потому что когда стражники спустятся, то первым делом будут искать в деревне. Лучше поехать верхом. У подножия горы они наверняка оставили своих лошадей, так что давай украдем одну из них.

— Точно, — согласилась я. — Что бы я без тебя делала?

Или без себя?

Мое второе «я» очень сообразительно.

Я побежала туда, где начиналась лестница. Получалось, что я шла навстречу своим преследователям. Но вообще Юёр права: жрецы и стражники вряд ли пришли сюда пешком, а я на своих двоих да еще в старых рваных башмаках точно не уйду. Нужно украсть лошадь. Это последний пункт моего плана.

У подножия скалы стояли ворота в виде двух столбов, перекрытых изогнутой, точно лодочка, крышей. К ним привязали пять лошадей. Подкравшись, я отвязала одну из них и отвела в сторону. Внезапно у меня родилась еще одна идея. Если все лошади разбегутся, то стражники догонят меня нескоро.

— Молодец, девчонка, — подбодрила меня Юёр.

Я освободила и разогнала остальных лошадей. Вот так, стражники, попробуйте меня догнать.

Запрыгнув в седло, я едва не свалилась с другой стороны. Кажется, я совсем забыла навыки верховой езды. Сидеть на лошади было очень неудобно, хотя раньше я с этим отлично справлялась. Руки и ноги стали вялыми, а спина — сутулой. Тренировки помогли мне не заκοстенеть, но их всё равно было недостаточно.

Да, теперь я не принцесса, а какая-то жалкая ее тень.

— Идем отсюда скорее, лошадка, — проговорила я, взяв поводья, и пустила лошадь рысцой.

Сзади в седельных сумках что-то позвякивало. Я обрадовалась багажу, ведь там наверняка найдутся полезные вещи.

Юёр, разумеется, исчезла. Она всегда исчезала в неудобных ситуациях и появлялась тогда, когда мой мозг считал это уместным.

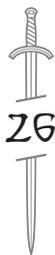
От скал, где располагались Северные горы, вела неширокая тропа, поэтому мы с лошадьёу знали, в какую сторону двигаться. Вскоре мы выехали на широкую дорогу, проложенную через лес. Я решила следовать по ней. Дорогу в Тосгон я не помнила, да и лес кругом казался одинаковым, но других путей я здесь не видела.

Ехали мы так долго, что одежда и волосы успели высохнуть и снова вымокнуть, но уже от пота. Становилось всё жарче и жарче, солнце пекло как сумасшедшее. Кажется, стоял самый разгар лета. Эльчин похитил меня осенью, а значит, я провела среди гробниц меньше времени, чем думала.

Я порылась в седельных сумках и выудила хорошенький бурдюк. Отвинтив крышку, я понюхала содержимое, опасаясь, что там окажется выпивка, но мне повезло, внутри бултыхалась простая вода. Я сделала несколько глотков и будто бы заново родилась. Бедной лошади тоже не мешало бы попить, но поблизости не встретилось ни одного водоема, поэтому помочь ей ничем не могла.

— Потерпи немного, подруга, нам бы только найти деревню.

Я смутно помнила, что деревня Тосгон находилась недалеко от леса. По дороге к гробницам мы и правда ее проезжали, а значит, она вот-вот должна показаться.

Когда день постепенно начал переходить в вечер, лес наконец закончился и нам открылся серый частокол, окружавший поселение.

Мы добрались.

Я с облегчением выдохнула. Я пока не знала, что делать дальше и как вершить мечь, но надеялась скоро в этом разобраться. Возможно, в деревне мне кто-то поможет, ведь я — Великий хан... ну, или должна им быть. В любом случае я всё еще принцесса Шамай, и меня знают и любят.

— Ага, разбежалась, — раздался в голове голос Юёр. — Эльчин позаботился о том, чтобы все считали, будто ты умерла. Никто не поверит, что ты почившая год назад принцесса.

— Я всё объясню, меня узнают. Мое изображение отпечатали на бумажных деньгах.

— Ты там изображена при полном параде, это во-первых. Во-вторых, тебе было пятнадцать, а сейчас, кажется, уже девятнадцать, да и выглядишь ты совсем иначе.

В пятнадцать лет наступило мое совершеннолетие, а потому меня официально признали наследницей трона. В честь этого родители поручили лучшему придворному художнику нарисовать мой портрет, с которого потом сделали клише для печати бумажных денег. Такой способ наши мастера скопировали у соседей-баифанцев — их император повсюду печатал свои изображения, чтобы потешить самолюбие. В Алтан-Газаре на купюрах разного номинала изобразили всю правящую семью: отца, мать, а потом и меня. С того времени я наверняка сильно изменилась, да и черно-белое изображение могло исказить мои черты, так что слова Юёр не были лишены смысла.

— Тогда мне нужно придумать, как доказать, что я принцесса, — сказала я. — Люди любят меня. Как только они узнают, что я жива, то поймут, каков мой дядя на самом деле.

— Не будь наивной. Люди уже забыли про тебя. А если кто-то и поверит, что ты принцесса, слухи быстро долетят до твоего дяди, и тебя убьют уже по-настоящему. Разве для этого мы сбежали из проклятых пещер? Если не хочешь просто так умереть, лучше затаись и придумай дельный план. Когда сделаешь это, тогда уж и удивляй всех своим появлением. Но сейчас никто не должен знать, что принцесса Шамай жива.

Я остановила лошадь.

Юёр была, как всегда, права. На радостях мне хотелось раструбить правду всему миру, но если я хочу и дальше оставаться живой, чтобы отомстить, пусть дядя продолжает считать меня мертвой. Раскрывать свою личность пока нельзя.

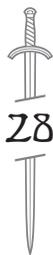
Я прыгнула в траву и отряхнулась от песка. Серые лохмотья выглядели так себе. Кожа стала грубой и некрасивой. Волосы, которые я небрежно перевязала полоской ткани, спутались и поблекли. Хотя я часто ходила мыться к пещерному озеру, расположенному глубоко в горе, обеспечить должный уход без масел и хорошего гребня я не могла. Теперь я походила на бродяжку или отшельницу, которые редко привлекают внимание, поэтому мне даже не понадобилось придумать маскировку. Меня и так никто не узнает.

Ворота деревни были открыты. Местечко выглядело спокойным и мирным, поэтому я решила зайти и осмотреться, ведя за собой лошадь. Пока я шла к главной площади с рынком, забитым овощами и фруктами, жители не переставали на меня подозрительно поглядывать. Я не смотрела на них, в этот момент мои мысли занимали только прилавки, что ломились от разнообразной еды.

Какие же там лежали красивые спелые ягоды... и грибочки... и овощи... и еще вяленая речная рыба...

Я порылась в седельной сумке, чтобы посмотреть, не завалился ли там совершенно случайно мешочек с монетами или что-нибудь ценное, что можно обменять на еду. Бурдюк,

покрывало, моток веревки, походные тарелки, ложка и серебряная цепочка — собственно, всё. Это мне и самой пригодится. Очевидно, деньги хозяин лошади носил при себе. Но кушать хочется, а значит, придется что-то отдать.

Я подошла к хозяину лавки, где продавали вяленую рыбу, и показала цепочку.

— Не желаете поменяться? — предложила я. — Серебряная.

— Краденая, что ли? — с ходу спросил он.

— Н-нет. Просто деньги кончились. Пожалуйста, хозяин, возьмите за рыбу?

Лавочник забрал цепочку, повертел так и этак и в итоге махнул рукой.

— Ладно. Бери, мальчик, рыбину, какая понравится.

Я чуть не подпрыгнула от этой фразы, но рыбину взяла — причем самую большую — и поспешно ушла от лавочки.

Надо же, мальчик.

— А ведь и правда, — задумалась Юёр, — ты можешь притвориться парнем. Тогда вообще никаких вопросов не будет.

— Я поразмыслю об этом, — пробурчала я себе под нос.

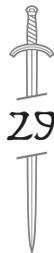
Подведя лошадь к корыту с водой, стоявшему у стены постоянного двора, я попросила работника напоить животное, а сама села за уличный столик и стала грызть рыбу.

Мальчик.

Я не могла понять, обидно мне или нет, но забыть так просто не получалось.

Рыбу я проглотила быстро, а потом просто сидела за столом и глядела в одну точку, пытаюсь понять, что делать дальше. Нужно снять комнату, чтобы переночевать и привести себя в порядок. Узнать новости о том, что происходит в мире, и понять, безопасно ли вообще сейчас ехать в столицу. А если не в столицу — то куда?

— Вы ранены? — раздался голос рядом со мной.

Я вынырнула из размышлений и подняла взгляд. К столу подошел молодой мужчина в простом дэгэле. Черные, как обсидиан, волосы волнами спадали на его плечи. Большие голубые глаза, почти что западные, хорошо сочетались с кожей холодного оттенка, но выглядели необычно на восточном лице. Я не могла причислить его ни к алтан-газарцам, ни к кумларцам. Откуда он и что здесь забыл?

— Кровь на рукаве, — пояснил незнакомец, кивнув на мою раненую руку.

— Поцарапался о ветку дерева, — ответила я, решив прикидываться парнем.

— Это как? — не поверил он, смерив меня подозрительным взглядом.

— Ездить не умею.

— Что бы ни произошло, стоит сходить к шаману и обработать рану.

Я глянула на него исподлобья, показывая, что не настроена на беседу:

— Спасибо, учту.

Он покивал с таким выражением лица, будто хотел как следует меня запомнить. А может, мне просто показалось. Все-таки предательство Эльчина меня изменило, и я уже не видела добрых друзей в окружающих людях. Особенно в тех, которые вменяются не в свои дела.

Как бы там ни было, я тоже взяла этого мужчину на заметку.

Он отошел и стал прогуливаться по лавкам. Я наблюдала за ним, надеясь, что он не вернется. От меня не укрылось, что этот незнакомец тоже за мной наблюдает. Мне стало не по себе, и я решила сегодня же покинуть деревню.

Зачем он следит за простым бродягой? Вдруг работает на Жанбулата? Если так, то дела мои очень плохи. Я захотела немедленно уйти, но только так, чтобы это не походило на бегство.

Спокойно выйдя из-за стола, я подошла к лошади и так же спокойно повела ее через площадь в сторону ворот. При этом по спине у меня ручьями стекал холодный пот.

Тут в воротах появились два всадника с разъяренными лицами.

Я в ужасе отшатнулась назад, не зная, куда спрятаться. Но было поздно.

Они узнали меня так же быстро, как я узнала их. Стражники из пещер, очевидно, недолго ловили разбежавшихся лошадей и сразу примчались сюда, чтобы меня добить.

Не такая уж я оказалась и умная.

— Держи девчонку! — закричал один, вытаскивая меч из ножен.

Теперь дела у меня не просто плохи.

Я почти не жилец.

